ХРИСТИАНСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В РУССКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

Liliana BELOVIČOVÁ
Dobročinný spolok svätého Jána Šanghajského a San Franciského,
Slovenská republika

Русская история поражает необыкновенной сознательностью и логическим ходом явлений. История донесла до нас многочисленные свидетельства гармоничного, воцерковленного мировоззрения предков русских. В ряду таких свидетельств особой исторической полнотой отличаются летописи. (Подробное рассмотрение русских летописей требует отдельного исследования. Мы коснемся их лишь в той мере, в какой это необходимо для иллюстрации процессов становления русского христианского самосознания.)

В развитии русского летописания принято различать три периода: древнейший, областной и общерусский. Несмотря на все особенности русских летописных традиций, будь то „Повесть временных лет“, новгородские летописи, с их лаконичностью и сухостью языка, или московские летописные своды, - не вызывает сомнения общая мировоззренческая основа, определяющая их взгляды. Православность давала народу твердое ощущение общности своей исторической судьбы даже в самые тяжелые времена удельных распрей и татарского владычества.

В основании русских летописей лежит знаменитая „Повесть временных лет“ - „откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве начал первее княжити и откуда русская земля стала есть“.[120]

Имевшая не одну редакцию „Повесть“ легла в основу различных местных летописей. Как отдельный памятник она не сохранилась, дойдя до нас в составе более поздних летописных сводов - Лаврентьевского (XIV

[120] *ИЗБОРНИК : Повести Древней Руси*. 2-ое издание. Москва : Художественная литература. 1986. с. 24.

век) и Ипатьевского (XV век). Повесть - это общерусский летописный свод, составленный к 1113 году в Киеве на основании летописных сводов XI века и других источников - предположительно греческого происхождения. Преподобный Нестор-летописец, святой подвижник Киево-Печерский, закончил труд за год до своей кончины. Летопись продолжил другой святой инок – преподобный Сильвестер, игумен Выдубицкого Киевского монастыря. Память их Святая Русская Церковь празднует, соответственно, 27 октября и 2 января по старому стилю.

В Повести хорошо видны желание дать, по возможности, всебъемлющие понятия о ходе мировой истории. Она начинается с библейского рассказа о сотворении мира. Заявив таким образом о своей приверженности христианскому осмыслению жизни, автор переходит к истории русского народа. После Вавилонского столпотворения, когда народы разделились, в Иафетовом племени выделилось славянство, а среди славянских племен - русский народ. Как и все в тварном мире, ход русской истории совершается по воле Божией, князья - орудия его воли, добродетели следует воздаяние, согрешениям - наказание Господне: глад, мор, трус, нашествие иноплеменных.

Бытовые подробности не занимают автора летописи. Его мысль парит над суетными попечениями, с любовью останавливаясь на жизни святых подвижников, доблестных русских князей, на борьбе с иноплеменниками-иноверцами. Все это привлекает внимание летописца как свидетельство промыслительного попечения Божия о России.

В этом ряду выделяется сообщение о посещении Русской земли святым апостолом Андреем Первозванным, предсказавшим величие Киева и будущий расцвет Православия в России. Фактическая достоверность этого рассказа не поддается проверке, но его внутренний смысл несомненен. Русское православие и русский народ обретают «первозванное» апостольское достоинство и чистоту веры, подтверждающиеся впоследствии равноапостольным достоинством святых Мефодия и Кирилла - просветителей славян и святого благоверного князя Владимира Крестителя. Сообщение летописи подчеркивает промыслительный характер крещения Руси, молчаливо предполагая за ней соответственные религиозные обязанности, долг православно-церковного послушания.

Автор отмечает добровольный характер принятия служения. Этому служит знаменитый рассказ о выборе вер. «В год 6495 (987) созва Володимер боляры своя и старцы градские».[121] Летопись не приводит никаких стесняющих свободу выбора обстоятельства. «Аще хощеши испытати гораздо», - говорят Владимиру «боляры и старцы», - «послав испытай когождо ... службу и како служит Богу».[122] Желание богоугодной жизни, стремление найти неложный путь к Богу – единственный побудительный мотив Владимира.

Чрезвычайно показателен рассказ послов: «Приидохом же в греки и ведоша ны идеже служат Богу своему». Богослужение так поразило русов, что они в растерянности твердят: «И не знаем, были ли мы на небе или на земле - ибо не бывает на земле красоты такой - только то верно знаем, что там с человеками пребывает Бог ... И не можем забыть красоты той».[123] Их сердца, ищущие религиозного утешения, получили его в неожиданной полноте и неотразимой достоверности. Исход дела решили не внешние экономические соображения (обоснованность которых весьма сомнительна), а живой религиозный опыт, обильное присутствие которого подтверждает и вся дальнейшая история русского народа.

Довольно полную картину взглядов современников на ход русской жизни дает Лаврентьевский свод. (Он назван по имени инока Лаврентия, составившего эту летопись для Суздальского великого князя Дмитрия Константиновича в 1377 году. В этот общерусский летописный свод вошли «Повесть временных лет» в редакции 1117 года и ее продолжения, излагающие события в Северо-Восточной Руси с 1111 по 1305 год.) В 70-х годах XII века усиливается натиск половцев на границы русских княжеств. Русь лицом к лицу сталкивается с объединенным сильным войском противника.

Но промысел Божий не связан соображениями человеческой мудрости: «не ведуще» неразумные иноверцы, «яко несть мужества, ни

---

[121] СТРАХОВА, Л. Д. 1996. *Древнерусская литература*. 1-ое издание. Москва : Олимп, 1996. с. 57.

[122] СТРАХОВА, Л. Д. 1996. *Древнерусская литература*. 1-ое издание. Москва : Олимп, 1996. с. 58.

[123] СТРАХОВА, Л. Д. 1996. *Древнерусская литература*. 1-ое издание. Москва : Олимп, 1996. с. 59.

есть думы противу Богови», - сетует летописец. В начавшейся битве «побегоша» половцы «гонимы гневом Божим и Святой Богородицы». Победа русских не есть результат их собственного попечения: «Содеял Господь спасенье велико нашим князьям и воям их над враги нашими. Побеждена быша иноплеменницы».[124]

И сами русские это прекрасно сознают: «И рече Владимир: се день иже сотвори Господь возрадуемся и возвеселимся в онь. Яко Господь избавил ны есть от враг наших и покорил врази наша под нозе наши».[125] И возвратились русские войска домой после победы «славяще Бога и Святую Богородицу, скорую заступницу рода христианского».[126] Вряд ли можно полнее и четче выразить взгляд на русскую историю как на область всеохватывающего действия Промысла Божия. При этом «летописец, как человек церковный, остается далек от примитивного фатализма. Действуя в истории определяющим образом, Промысел Божий в то же время не подавляет и не ограничивает свободы личного выбора, лежащей в основании ответственности человека за свои дела и поступки».[127]

Историческим материалом, на фоне которого утверждается понятие о религиозно-нравственной обусловленности русской жизни, становятся в летописи события, связанные с изменчивым военным счастьем. На следующий год после удачного похода на половцев, совершенного объединенными силами князей, организовывает неудачный самостоятельный набег Игорь Святославович, князь Новгород-Северский. Знаменитое «Слово о полку Игореве» дает исключительное по красоте и лиричности описание этого похода.

Сознавая неудачу похода как закономерный результат уклонения от своего религиозного долга, «воздыхание и плач распространися» среди русских воинов, вспоминавших, по словам летописца, слова пророка

---

[124] ИОАНН, митрополит С.-Петербургский и Ладожский (Снычев). 1995. *Самодержавие духа. Очерки русского самосознания*. 1-ое издание. Санкт-Петербург : Царское дело, 1995. с. 46.
[125] ИОАНН, митрополит С.-Петербургский и Ладожский (Снычев). 1995. *Самодержавие духа. Очерки русского самосознания*. 1-ое издание. Санкт-Петербург : Царское дело, 1995. с. 46.
[126] ИОАНН, митрополит С.-Петербургский и Ладожский (Снычев). 1995. *Самодержавие духа. Очерки русского самосознания*. 1-ое издание. Санкт-Петербург : Царское дело, 1995. с. 46.
[127] ИОАНН, митрополит С.-Петербургский и Ладожский (Снычев). 1995. *Самодержавие духа. Очерки русского самосознания*. 1-ое издание. Санкт-Петербург : Царское дело, 1995. с. 47.

Исайи: «Господи, в печали помянухом Тя ...». Искреннее покаяние было скоро принято милосердным Богом и «по малых днех ускочи князь Игорь у половец» – то есть из плена половецкого – «не оставит бо Господь праведного в руках грешных, очи бо Господни на боящихся Его (взирают), а уши Его в молитву их (к молитвам их благопослушны)». «Се же содеялся грех ради наших», - подводит этот летописец, - «зане умножишаяся греси наши и неправды».[128]

Согрешающих Бог вразумляет наказаниями, добродетельных, сознающих свой долг и исполняющих его - милует и хранит. Бог никого не принуждает: человек сам определяет свою судьбу, народ сам определяет свою историю - так можно кратко изложить воззрения летописи. Остается лишь благоговейно удивляться чистоте и свежести православного мироощущения летописцев и их героев, глядящих на мир с детской верой, о которой сказал Господь: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоговение».[129]

Развивая и дополняя друг друга, русские летописцы стремились к созданию целостной и последовательной картины родной истории. Во всей полноте это стремление отразилось в московской летописной традиции, как бы венчающей усилия многих поколений летописателей. (Перенос святым митрополитом Петром первосвятительской кафедры из Владимира в Москву в 1325 году положил начало московскому летописанию, которое велось при дворе митрополита.) «Летописец Великий Русский», «Троицкая летопись», писанная при митрополите Киприане, свод 1448 года и другие летописи, все более и более подходившие под название «общерусских», несмотря на то, что они сохранили местные особенности, да и писались частенько в Москве, представляют собой как бы ступени, по которым русское самосознание восходило к осмыслению единства религиозной судьбы народа.

Середина XVI века стала эпохой величайшего церковно-государственного торжества на Руси. Были собраны воедино исконно

---

[128] ИОАНН, митрополит С.-Петербургский и Ладожский (Снычев). 1995. *Самодержавие духа. Очерки русского самосознания*. 1-ое издание. Санкт-Петербург : Царское дело, 1995. с. 47.
[129] Лк. 10:21.

русские земли, присоединены Казанское и Астраханское царства, открыт путь на восток - в Сибирь и Среднюю Азию. На очереди стояло открытие западных ворот державы - через Ливонию. Вся русская жизнь проходила под знаком благоговейной церковности и внутренней религиозной сосредоточенности. Неудивительно поэтому, что именно в царствование Иоанна IV Васильевича был создан грандиозный летописный свод, отражающий новое понимание русской судьбы и ее сокровенного смысла. Он описывал всю историю человечества в виде смены великих царств. В соответствии со значением, которое придавалось завершению столь важной для национального самосознания работы, летописный свод получил самое роскошное оформление. Составляющие его 10 томов были написаны на лучшей бумаге, специально закупленной из королевских запасов во Франции. Текст украсили 15000 искусно выполненных миниатюр, изображавших историю «в лицах», за что собрание и получило наименование «Лицевого свода». Последний, десятый том свода был посвящен царствованию Иоанна Васильевича, охватывая события с 1535 по 1567 годы.

Когда этот последний том (известный в науке под именем «Синодального списка», так как принадлежал библиотеке Святейшего Синода) был в основном готов, он подвергся существенной редакционной правке. Чья-то рука прямо на иллюстрированных листах сделала многочисленные дополнения, вставки и исправления. На новом, чисто переписанном экземпляре, который вошел в науку под названием «Царственная книга», та же рука сделала опять множество новых приписок и поправок. Похоже, редактором «Лицевого свода» был сам Иоанн IV, сознательно и направленно трудившийся над завершением «русской идеологии».[130]

Другим летописным сборником, который должен был наравне с «Лицевым сводом» создать стройную концепцию русской жизни, стала «Степенная книга». В основании этого громадного труда лежал замысел, согласно которому вся русская история со времени крещения Руси до царствования Иоанна Грозного должа предстать в виде семнадцати

---

[130] ИОАНН, митрополит С.-Петербургский и Ладожский (Снычев). 1995. *Самодержавие духа. Очерки русского самосознания*. 1-ое издание. Санкт-Петербург : Царское дело, 1995. с. 48.

степеней (глав), каждая из которых соответствует правлению того или иного князя. Обобщая главные мысли этих обширных летописей, можно сказать, что голос летописца был голосом совести народной, вполне созвучной с голосом Церкви, соединившей свою судьбу с судьбой народа, ей себя отдавшего.[131]

Zoznam bibliografických odkazov

BELOVIČOVÁ, L. 2004. *Christianskije motivy v russkoj literature*. 1. vyd. Bratislava : Dobročinný spolok svätého Jána Šanghajského a San Franciského, 2004. 184s. ISBN 80-969153-0-4.

ИЗБОРНИК : Повести Древней Руси. 2-ое издание. Москва : Художественная литература. 1986. 446с. ISBN 5-280-00446-4.

ИОАНН, митрополит С.-Петербургский и Ладожский (Снычев). 1995. *Самодержавие духа. Очерки русского самосознания*. 1-ое издание. Санкт-Петербург : Царское дело, 1995. 350с. ISBN 5-7624-0003-4.

СТРАХОВА, *Л. Д.* 1996. *Древнерусская литература*. 1-ое издание. Москва : Олимп, 1996. 605с. ISBN 5-7841-0069-6.

[131] BELOVIČOVÁ, L. 2004. *Christianskije motivy v russkoj literature*. 1. vyd. Bratislava : Dobročinný spolok svätého Jána Šanghajského a San Franciského, 2004. c. 22.

CHRISTIAN WORLD VIEW IN RUSSIAN CHRONICLE TRADITION

Liliana BELOVIČOVÁ, Dobročinný spolok sv. Jána Šanghajského a San Franciského, Partizánska 45, 085 01 Bardejov, mriab9@gmail.com

Abstract

In the Russian chronicles we meet orthodox worldview. Chroniclers tried to create a holistic and detailed picture of the russian history. Their voice was the voice of the national conscience. The author states in article the main works of Russian chroniclers.

Keywords

Cronicle, Povest vremennych let, Letopisnyj svod, Licevoj svod, Stepennaja kniga